

мимоходомъ, съ царственной щедростью и беспечностью сотворить новыя жизни — этого немецкаго девятилѣтняго мальчика Карлхенъ Шмита, начинающаго разговоръ словами „потому что“ (а когда Петя Орловъ говоритъ: „у каждого народа свой царь, король“, то Карлхенъ Шмитъ, дитя своей страны и, очевидно, убѣжденный конституціоналистъ, спѣшить прибавить: „парламентъ“ ...); этого Мишу, который въ тетради начерталъ себѣ для жизни не совсѣмъ грамотный, но благородный девизъ: „Нада бутъ добрум“; эту крестьянскую дѣвочку Палашку, которая размышляетъ о томъ, какія соціальные реформы она бы учинила, если бы была царицей, и которой говоритъ Семка: „ты, царица, смотри, не разсыпь свои грибы, а то ужъ очень шустра“; этого трагического восьмилѣтняго Волю, который горькими слезами изливаетъ муки своего отчаянія и раскаянія: онъ несъ было нянѣ тарелку съ пирожнымъ и вдругъ, нечаянно сѣѣль его; этого плотника, который на вопросъ барчука: „васъ какъ звать?“ отвѣчаетъ: „насъ какъ звать? Звали Хролкой, а нынче ужъ Хроломъ да еще Савичемъ величаютъ“, — и еще другихъ и другихъ. И если разговоры дѣтей и взрослыхъ или дѣтей между собою заканчиваются нашимъ вѣчнымъ зіяніемъ вопросительного знака и на вопросъ: отчего? отвѣчаютъ: оттого, то, можетъ быть, безсознательно для Толстого, въ этомъ слышится не тенденціозная насмѣшка надъ нашимъ неумѣніемъ